

«Сказание о куре и лисице» и московская виршевая традиция XVII в.

Сюжет о петухе и лисе, желающей съесть птицу «под благовидным предлогом», известен в разных вариантах. На протяжении XVIII—XIX вв. неоднократно записывались сказки о лисе-исповеднице, в финале которых петуху удавалось спастись от лисьих когтей. Наиболее вероятным источником этого сюжета считается басня Эзопа о петухе и кошке, которую в начале XVII в. перевел в ряду прочих Федор Гозвинский («Кот и алектор»), снабдив переводы кратким стихотворным вступлением. Форму протяженного сказания, широко распространявшегося в списках, сюжет о петухе и лисе получил, по видимому, в том же XVII в., когда интерес к занимательному, пародийному и причудливому особенно возрос. Большинство известных редакций содержит неравносложные поэтические фрагменты или являются полностью стихотворными. Более ранние, полностью прозаические редакции датируются первой половиной XVII в.: упоминание повести «о куре и о лисице и о прочих иных таковых же боснословных повестей и смехотворных писм» содержится в послании стольника Ивана Бегичева, которое относится к 1640-м гг. [см.: Адрианова-Перетц 1935: 215]. Примечательно, что автор послания, говоря об этом сюжете, обвиняет адресата в ограниченности, пренебрежении Священным Писанием, незнании классических богословских сочинений. Бегичев опровергает идею, что сказание можно считать душеспасительным чтением. Действительно, возникает вопрос: почему сюжет явно развлекательного характера, с потешными персонажами и пародийными репликами, мнился кому-то душеполезным?

Даже в более поздних стихотворных редакциях сказание наполнено молитвенными формулами, библейскими отсылками и иными топосами христианской культуры. Вот несколько ярких примеров из речи лисицы.

<i>Сказание о куре и лисице</i>	<i>Возможный источник</i>
Аз бо душу свою готова за тя положить [Русская сатира 1977: 70]	Ин. 15: 13
Вспомяни ты перваго на земли человека Адама, древа [ради] из раю изгнанна [Русская сатира 1977: 67]	Быт. 3: 24
Помниши ли притчу о мытаре и фарисеи реченную, в триоде постной всегда чтенную? И ты поревнуй мытареву смирению, а не фарисеиву злу превозношению [Русская сатира 1977: 72]	Лк. 18: 9—14
Како ты бога не боишися и будущаго суда божия не страшишися? Зриши ли ты толикыя его долготерпение [Русская сатира 1977: 70]	Пс. 102: 8
...день от дни в новых грехах являешися и, яко свиния, в кале валяешися [Русская сатира 1977: 71]	Канон покаянный, песнь 6

Подобных отсылок в «Сказании» немало, присутствуют они и в речи второго персонажа. Так, в текст стихотворных редакций включена молитва петуха «мытаревым гласом», отсылающая к покаянным великопостным молитвам:

«Боже, милостив буди мне, грешному», — взывай:
«Согреших, господи, на небо и пред тобою!
Да буди воля твоя святая и со мною.
Точию не отрини мене, во многия грехи впадша,
и никогда же от покаяния моего не отставша»
[Русская сатира 1977: 63].

В начале «Сказания» есть характерный эпизод с использованием сниженного житийного канона:

И в то время курица с нашести своей спехнула,
и та курица, упавши на землю, и не дохнула.
Кур же от тоя незапный смерти ужасеся
и, вспомянув смертный час, от страха весь потрясеся
[Русская сатира 1977: 62].

Эти отсылки, проявляющиеся в сюжете и в речи персонажей, составляют зерно комических ситуаций, подобно описанным в «Повести о бражнике». Однако в «Сказании» пародийное начало усиливается еще и за счет более конкретных, злободневных аналогий. Лисица представляется просвирицей Чудова монастыря (в других редакциях петух обещает лисе место у митрополита или крутицкого архиерея), она носит очки, подобно высшему духовенству того времени (патриарху Филарету, патриарху Никону, царскому духовнику протопопу Никите и др.), да и сама беседа лисы с петухом напоминает риторические упражнения московских книжников, «ученых мужей» XVII в.:

Желаю с тобою беседование творити
и о некоторых вещах тебя воспросити
[Русская сатира 1977: 64].

В науке уже не раз высказывалось предположение, что авторство потешных сочинений такого типа принадлежит людям из низшего духовенства и в некотором смысле перед нами автопародия. Выходцами из этой среды были и авторы приказной школы стихотворства (1630-е — 1650-е гг.). Формальные и стилистические особенности стихотворного «Сказания» дают основания для сравнения этого произведения со стихотворными посланиями приказных авторов.

Первые слова, которые произносит лисица («О, курушко, мой друг и приятель, / и великий благодетель и питатель!» [Русская сатира 1977: 63]), напоминают вступления виршевых посланий:

Горняго Иерусалима желателю,
О всех своих неоскудно подателю,
Спомощнику и кормителю неимушим [Виршевая поэзия 1989: 157].

Или ср. напутственное слово в финале посланий:

Сего ради буди сему словеси подражатель,
И к нам грешным истинный приятель
[Виршевая поэзия 1989: 187].

Далее между лисицей и петухом завязывается словесный поединок, устроенный по принципам, близким стихотворцам XVII в.: мы находим здесь и апелляцию к книжным источникам, и манипуляцию с ними в духе софистики, и игровое начало. Неудивительно, что источники текстов могут быть сходны. Это, например, Пс. 5: 7.

В виршах:

...яко погубит господь вся глаголющыя лжу.
А мы глаголем: пойдет таковых душа во ядовитую ржу
[Виршевая поэзия 1989: 133];

По Давиду, — погубит господь вся, глаголющая лжу,
такового бывает плод душевный его во лжу
[Виршевая поэзия 1989: 222].

В «Сказании»:

Губит господь глаголющих лжу конечно,
а за неправду изринет в муку вечно
[Русская сатира 1977: 76].

В первом примере двестише помещено в ряду нравоучительных сентенций, оно не имеет личной направленности; во втором примере стихотворец Михаил Злобин этой фразой

Ароматный воды сладостне обонянии обоневает,
Любомудрых же словеса не мнее того слухи наслаждают
[Виршевая поэзия 1989: 162].

В «Сказании»:

Чесо-де ради зверь сей тако ублажает
и книжными словесами услаждает
[Русская сатира 1977: 66];

О, зверю, красная и сладкая беседа твоя меня удивляет
и зело мудрыми словесами умиляет
[Русская сатира 1977: 68].

Контрастный и также устойчивый образ — осквернение «уст своих» через слово, пустое и неуместное:

И никогда же бы тебе пустошных словес не говори,ти,
и уст своих и языка таковым глаголанием не сквернити
[Виршевая поэзия 1989: 132];

Как тебе, курушка, то говорить хочетца словеса
такия пустыя
[Русская сатира 1977: 73].

В «Сказании» содержится огромный пласт фольклорной культуры: от нехитрых моделей, по которым в духе народного театра строятся фразы персонажей, до включенных в текст повести пословиц и присказок. Приказная поэзия в целом противопоставлена фольклорному творчеству, однако и в ней встречаются подобные вкрапления, почерпнутые, возможно, из рукописных сборников, в которых можно встретить как образцы самих виршей, так и длинные выстроенные по алфавиту столбцы пословиц. Значит, живописные аналогии в народном духе из «Сказания» («Без покаяния тебе, курушко, невозможно быти, / что рыбе без воды быти и жити»

[Русская сатира 1977: 77]) можно сравнить с московским стихотворством как по форме («Ей, ей, воистину, тако может быти. / Да не всяк так возможет жити» [Виршевая поэзия 1989: 121]), так и по содержанию («Море без рук и без ног убивает, / також и пьянство, не имея никоторых удов, всякого человека погубляет» [Виршевая поэзия 1989: 45]).

В основе стихотворной культуры приказной школы лежит механизм «самовоспроизведения» виршевых фрагментов из текста в текст: наиболее «удачно» подобранные пары рифм влекут за собой звенья стихотворных формул. Зачастую в рамках одного стихотворного послания даже на небольшом промежутке текста повторяются рифмы или двустушия, образуя композиционные рамки и закрепляясь в переписке как наиболее канонические. Тот же механизм формулообразования действует в «Сказании»: самая частая рифма строится на опорных словах «слышать (слыхать)» — «видеть (видать)» (повторяется до семи раз). Лисица в различных ситуациях использует одни и те же устоявшиеся выражения с устойчивой рифмой:

Не отлучайся, любезное мое чадо,
и, сошед, сопричтися во избранное мое стадо
[Русская сатира 1977: 66];

...и рекла ему: «Благое дело избрал еси, чадо,
вниди ныне во избранное мое стадо»
[Русская сатира 1977: 78];

О, чадо мое любезное и драгое,
даждь ми ответствование сладкое и благое
[Русская сатира 1977: 64];

Сниди, чадо мое, курушко драгое,
и сотворю пред богом покаяние тебе благое
[Русская сатира 1977: 66].

«Сказание о куре и лисице» и московская виршевая традиция XVII в.

<i>Сказание о куре и лисице</i>	<i>Вирши приказной школы</i>
И пребываю убо в сей пустыни от своей буйной младости и до нынешней глубочайшей моей старости [Русская сатира 1977: 70]	и яко добро есть учение во младости, нежели во старости [Виршевая поэзия 1989: 207]
Ты бы, курушка, спросил бы, друг мой, про меня в разуме многих, а не таких странных, нищих и убогих [Русская сатира 1977: 72]	И к его царскому величеству заступати о убогих. Нищих и беззаступных обрадовати многих [Виршевая поэзия 1989: 154]
Истинно тебе глаголю, неложно, и никакo тебе живу быть невозможно [Русская сатира 1977: 81]	Сам веси, что глаголем все неложно, А с лукавым и с пронырливым в любви жити невозможно [Виршевая поэзия 1989: 194]
Чем я тебе оскорбил или чем милость твою раздражил? [Русская сатира 1977: 79]	Что не хотя тебя раздражати, И духовнаго союза с тобою разрушати [Виршевая поэзия 1989: 194]
И то себе ныне внемли, что уже не быть живу тебе на земли [Русская сатира 1977: 81]	Ты же, государь мой, добродеею, сему словеси внемли. Добро бы, аще таковых много было на земли [Виршевая поэзия 1989: 223]
Остави, любезный мой, ту твою мысль злую, Прошу тя, прими мою благую [Русская сатира 1977: 72]	Наводит на мя, убогаго, мысли злыя И от того погибают дела моя благая [Виршевая поэзия 1989: 383]
Настоящего сего нынешнего века у некого было небогата человека кур некий [Русская сатира 1977: 62]	Честь и милость царева красит всякого человека, Ей немощно весма отбыти настоящаго сего века [Виршевая поэзия 1989: 186]

«Сказание о куре и лисице» и виршевые опыты московских книжников, безусловно, являются плодами одной и той же культуры. Авторы этих произведений черпают образы из общих источников, смешивая высокую топику книжного происхождения (ссылки на Священное Писание, переключки с литургическими текстами) со сниженной, народной (загадки, пословицы, просторечные и бранные выражения), воспроизводя художественный язык одной эпохи. Интересное сходство обнаруживается между более ранними, прозаическими, редакциями «Сказания» и виршами 1620—1630-х гг. в способе оформления прямых отсылок. Стихотворное двоестрочие словно бы достраивает устойчивую фразу, используемую в «Сказании»:

Помнишь ли ты святяга книги и как в правилах святых
отец пишет...

[Русская сатира 1977: 59];

Что же великий апостол Павел пишет,
Яко драгим бисерием нижеет
[Виршевая поэзия 1989: 37].

Также ср.:

Тако ж и в притчах глаголет....
[Русская сатира 1977: 58];

Аще ли псаломское слово глаголет,
яко перстом во очию колет
[Виршевая поэзия 1989: 140].

Среди текстуальных схождений стихотворной редакции «Сказания» с приказными виршами особенно следует отметить стихи Стефана Горчака (главным образом, «Виршевой домострой») и справщика Савватия. Примечательно, что у последнего в послании нерадивому ученику тоже возникает образ хитрой и бесчестной лисицы в контексте сатирического обличения:

Ты же льстил нам тогда аки некий злый, лукавый лис,
И всегдашний убогаго нашего дому вис.
Хотя от нас, грешных, слышати многих божественных
словес,
Мы же, убозии, предподавахом тебе не в вес
[Виршевая поэзия 1989: 193].

В «Сказании» также присутствуют отдельные двустишия, имеющие сходство с более поздними стихами выголексинских старцев и Симеона Полоцкого, в количественном отношении все же весьма уступающие аналогиям с приказными виршами. Однако поспешно было бы делать выводы об авторстве Савватия или Стефана Горчака, поскольку они являются лишь яркими выразителями в виршах того, что унаследовал автор «Сказания» из эпохи первой половины XVII в. Сходство этих памятников, как представляется, связано с близостью к московской литературной традиции начала века: отсюда мотив словесного поединка, смешение книжного и просторечного стилей (за счет чего может создаваться комический эффект), неравносложные строки, повторение стихотворных формул и рифм на небольшом промежутке текста в качестве композиционного приема или закрепления топоса. Именно эта виршевая культура стала фундаментом для создания стихотворного «Сказания о куре и лисице».

СОКРАЩЕНИЯ

Адрианова-Перетц 1935 — *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1935 Т. 2. С. 215—282.

Виршевая поэзия 1989 — Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989.

Русская сатира 1977 — Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.